УДК 811.511.131’366

Т. В. Пантюхина
Удмуртский институт истории, языка и литературы
УдмФИЦ УрО РАН
г. Ижевск

Морфологические и семантические характеристики генитивных форм личных местоимений удмуртского языка

Генитивные формы удмуртских личных местоимений 1-го и 2-го лица имеют древнее происхождение, что подтверждается следующими фактами: в корне сингулярных местоимений происходит замена гласного *о* на *ы*; основа плюральных местоимений осложнена «загадочным» элементом *л'*; падежные формы с морфемой *а* характерны только для местоимений 1-го и 2-го лица: *мынам* ‘у меня’, *тынад* ‘у тебя’, *милям* ‘у нас’, *тӥляд* ‘у вас’. Современные диалектные вариации форм ед. ч. основаны на фонетических явлениях синкопы: *мнам* ‘мой, у меня’, *тнад* ‘твой, у тебя’, а мн. ч. – диерезы: *миам* ‘наш, у нас’, *тиад* ‘ваш, у вас’. Фонетические изменения также претерпевает суффикс *-лэн* личных местоимений 3-го лица.

Центральной функцией для форм родительного падежа является указание на посессивные отношения. Кроме того, формы личных местоимений мн. ч. выражают пассивного субъекта, могут иметь локальное значение, во вводных словосочетаниях обозначают источник информации.

Ключевые слова: удмуртский язык, личные местоимения, морфология, генитив, семантика.

Праязыковой особенностью уральских языков является отсутствие парадигмы склонения личных местоимений 1-го и 2-го лица[1]. Весьма вероятно, что в прауральском языке у личных местоимений вообще не

[1] Еще и в прафинно-угорский период у личных местоимений 1-го и 2-го лица специальных числовых форм вообще не было [Основы 1974: 285].

было падежа[1]. Неопределенный (именительный) падеж выступал в качестве основной формы в функции многих других падежей, прежде всего – родительного (притяжательного) [Ravila 1950: 320; Bartens 2000: 150]. Этот наиболее простой способ выражения принадлежности – соположение местоимения и имени существительного, не имеющих никаких специальных показателей, – отражает древний этап в развитии любого языка [Серебренников 1988: 36; Краснощеков 2020: 9].

Возникновение генитива было вызвано необходимостью функциональной разгрузки номинатива путем дифференциации оттенков посессивного значения: за номинативом закрепилась функция обозначения неопределенно-притяжательных отношений, за генитивом – конкретно-притяжательных [Некрасова 1995а: 8].

Прафинно-угорская парадигма, по общепринятому мнению, характеризуется двумя падежными формами: именительным и объектным, причем последний маркировался лишь посессивным суффиксом [Ravila 1950: 320; Rédei 1998: 344]. Из данного косвенного падежа в отделившихся друг от друга родственных языках оформились аккузатив, генитив или датив [Bartens 2000: 150]. Позднее, в прапермском языке, личные местоимения ед. ч. изменялись уже по пяти падежам, в число которых входил и генитив [Bartens 2000: 150; Csúcs 2005: 226]. Формы мн. ч. развивалась по аналогии с парадигмой склонения местоимений ед. ч. [Федюнева 2008: 61].

На древность генитивных форм удмуртских личных местоимений 1-го и 2-го лица указывают следующие признаки: несвойственное для современного языка чередование гласных *о* // *ы* в корне сингулярных местоимений [Кельмаков 2005: 80], появление элемента *л*[2] в основе плюральных местоимений и особые, не соотносимые с именами существительными, падежные формы с морфемой *а*: *мынам* ‘у меня’, *тынад* ‘у тебя’, *милям* ‘у нас’, *тӥляд* ‘у вас’. Напротив, личные местоимения 3-го лица присоединяют субстантивный суффикс *-лэн*: *солэн* ‘у него,

[1] Иная точка зрения финно-угроведов о наличии генитива в прауральском языке освещена в следующих работах: [Korhonen 1991; Некрасова 1995а].

[2] У лингвистов нет единого мнения о сущности вставного согласного *л′*. По мнению Т. Э. Уотилы, К. Редеи и Ш. Чуча, он является элементом *l* окончаний так называемых *л*-овых падежей имен существительных, который под влиянием гласного основы палатализировался [Uotila 1936: 473; Rédei 1998: 346; Csúcs 2005: 233]. Б. А. Серебренников считал, что местоименная основа была осложнена специальным суффиксом *-la*, близкому по значению к суффиксу относительных прилагательных *-а* [Серебренников 1963: 198]. Однако исследователь не дает исчерпывающего объяснения последующей палатализации согласного. Г. В. Федюнева придерживается гипотезы Б. А. Серебренникова [Федюнева 2008: 60].

у нее', *соослэн* 'у них', т. к. по своему происхождению являются указательными местоимениями и перешли в разряд личных сравнительно недавно, в период самостоятельного развития языка [Федюнева 2008: 140]. Падежный маркер *-лэн* двусоставный, коаффикс *-л* имеет словообразовательное происхождение, элемент *-н* развился из финно-угорского локативного **-na / -nä* (см. подробнее: [Некрасова 2002: 11, 17; Кондратьева 2011б: 54–76]).

Исследуя происхождение генитивной формы личных местоимений 1-го и 2-го лица, часть финно-угроведов проводила параллель с инессивом притяжательного склонения имен существительных [Uotila 1936: 472; Серебренников 1963:185; Основы 1976; Некрасова 1995б: 376; Rédei 1999: 99]. Т. Э. Уотила полагал, что за конечным гласным основы *a* некогда следовал суффикс инессива *-n*, который впоследствии исчез перед притяжательным суффиксом. Из архетипа **mənənmə* возник *mynam*, из **tənəntə – tynad* [Uotila 1933: 233]. Схожую гипотезу предлагал Б. А. Серебренников, который возводил генитив к локативу на *-an* [Серебренников 1963: 185].

Более поздние исследования отрицают возникновение генитивных форм личных местоимений 1-го и 2-го лица на основе местных падежей [Bartens 2000: 150; Csúcs 2005: 230; Федюнева 2008: 38]. Ш. Чуч, анализируя теорию Т. Э. Уотилы, заключает, что она формально применима, но функционально маловероятна, поскольку в современных пермских языках формы личных местоимений в местных падежах либо отсутствуют, как в удмуртском, либо используются ограниченно, как в коми. В прапермской системе склонения имен существительных уже существовал генитив с суффиксом *-len*, остается неясным, почему он не вошел в парадигму личных местоимений, уступив место форме инессива-иллатива. Непонятно и исчезновение падежного маркера *-n* перед притяжательным суффиксом [Csúcs 2005: 230]. Финский ученый Р. Бартенс уверена, что в системе личных местоимений вообще не было форм с локативной семантикой, значение местоположения передавалось через послеложно-местоименные сочетания [Bartens 2000: 150]. Данное явление сохраняется до сих пор. Формы генитива, выступая в послеложных конструкциях, выражают локальные, объектные, определительно-обстоятельственные отношения. Послелог принимает притяжательный суффикс соответствующего лица и числа. При выражении пространственных отношений личные местоимения выступают ориентиром, по отношению к которому констатируется местонахождение другого предмета: *мынам пумитам* 'мне навстречу', *соослэн пумитазы* 'им навстечу'. Употребление падежной формы имеет факультативный характер, поскольку послелог с притяжательным суффиксом вбирает в себя все значения, личное местоимение становится избыточным.

Р. Бартенс, Ш. Чуч считают, что генитивная форма (наряду с дативной) состоит из основы местоимения и посессивного суффикса [Bartens 2000: 150; Csúcs 2005: 230]. Г. В. Федюнева полагает, что производной основой для древних пермских падежных форм личных местоимений, в том числе генитива, является аккузатив, к которому присоединялся лично-притяжательный суффикс. После отпадения финаля суффикса конечный гласный основы унифицировался в заднерядный. Лингвист представляет следующую реконструкцию: акк. **mзпз-* > ген. **mзпз + mз* > **mзпзmз* > **mзпзm* > к. *menam*, удм. *miṇam* [Федюнева 2008: 38, 61]. Исследователь считает необоснованной гипотезу механического переноса суффикса инессива имен существительных в генитив личных местоимений по нескольким причинам. Во-первых, личные местоимения избегают локальных падежей, во-вторых, формант инессива в притяжательном склонении является поздним пермским образованием, тогда как генитив личных местоимений возник раньше. Скорее всего, процесс был обратным: под влиянием генитива личных местоимений сформировались притяжательные формы иллатива-инессива имен существительных [Федюнева 2008: 36–37].

Мы солидарны с исследователями, возводящими суффикс *-а* генитива к конечной гласной основы (номинативной или аккузативной), который в период отпадения конечной гласной основы сохранился благодаря следовавшему за ним личному суффиксу и в результате переразложения морфемного шва обрел статус падежного суффикса. Локальное значение генитивных форм, хотя и наблюдается у удмуртских личных местоимений мн. ч., имеет более позднее происхождение.

В современных удмуртских диалектах практически повсеместно представлены единообразные генитивные формы, имеются единичные диалектные вариации. В части северных говоров от сингулярных 1-го и 2-го лица на основе синкопы образованы формы: сев. *мнам* ‘мой, у меня’, *тнад* ‘твой, у тебя’ [Карпова 2020: 112]. В плюральных формах 1-го и 2-го лица наблюдается явление диерезы, когда выпадает согласный *л'* основы: ср-вост. *miam*[1] [Бушмакин 1969: 65] ‘наш, у нас’, *tiad* [Aminoff 1896: 30; Бушмакин 1969: 65] ‘ваш, у вас’. Фонетические изменения также претерпевает суффикс *-лэн* личных местоимений 3-го лица. Наблюдается

[1] В том же говоре Т. Г. Аминофф фиксирует эловую форму *mil'am* [Aminoff 1896: 30]. Безэловые формы образовались в период относительно самостоятельного развития средневосточных говоров. Там же наблюдается элизия и в субстантивной парадигме: выпадает *-l* в суффиксах генитива (*-en* < *-len*), аблатива (*-eś* < *-leś*), датива (*-i̯* < *-li̯*). Выпадение *l*, по мнению С. К. Бушмакина, происходит в силу ослабленной артикуляции согласного при его образовании [1969: 60–61].

ослабление инициального звука суффикса до полумягкого *-l* в красноуфимском говоре, билабиального *-ў* в южных и срединных говорах, вплоть до его утраты и, в связи с этим, ассимиляции гласного суффикса: круф. *шолэн* [Насибуллин 1978: 98], южн. *соўэн* [Kel′makov; Saarinen 1994: 254], сред. *соэн* [Кельмаков 1990: 292], ср-вост. *соон* [Бушмакин 1971: 143]. В татышлинском говоре зафиксирован суффикс с конечным заднеязычным носовым согласным татш. *soosleŋ* [Кельмаков 1974: 106]. Узколокальное распространение и спорадическое употребление фонетических вариаций свидетельствуют, что все фонетические изменения возникли в период самостоятельного развития отдельных удмуртских говоров.

Ведущей функцией генитива является актуализация посессивных значений: атрибутивной и предикативной [Кондратьева 2011а: 70]. При выражении атрибутивной посессивности генитивная форма личного местоимения определяет объект, «указывая на принадлежность его к какому-нибудь одному лицу (индивидуальному обладателю) или нескольким лицам (коллективному обладателю)» [Вахрушев 1984: 67]. Признак рассматривается как данность, постоянное свойство, синтаксически оно выражено с помощью именной фразы: *«Люция» – со мынам нимы ӧвӧл кадь потэ аслым но* [Валишин 1978: 97]. ‘Мне и самой так кажется, будто «Люция» – это не мое имя’.

Часто наблюдается грамматическая связь между посессором, выраженным генитивом, и объектом обладания [Едыгарова 2010: 231], в таком случае имя (объект) оформляется соответствующим притяжательным суффиксом. По мнению Г. А. Некрасовой, «в коми языках объект обладания, как правило, не оформлен посессивным суффиксом, за редкими исключениями» [Некрасова 2023: 205]. Наоборот, в удмуртском единичны немаркированные формы, что, по-видимому, обусловлено желанием говорящего дистанцироваться от объекта, выделить его, придав обобщенную семантику: *Мынам но ведь ныл* (вместо ожидаемого – *ныл*ы) *тон кадь ик дышетске но дышетске* [Блинов 1967: 91]. ‘И у меня дочь, как ты же, все учится и учится’; *Тынад ведь улэм* (вместо ожидаемого – *улэмед*) *кикылэн кадь: туннэ одйг нюлэскын силиськод, ӵуказе ни – мукетаз* [Валишин 1978: 40]. ‘Ведь твое существование (житье) как у кукушки: сегодня в одном лесу кукуешь, завтра – в другом’.

Без притяжательного суффикса употребляются личные местоимения 3-го лица, выступающие в роли объекта обладания: *Со мынам визьмо, ох, визьмо, ява* [Красильников 1991: 22]. ‘Он [старший сын] у меня умный, ох, умный же’; *Кыӵе будэ ни со тынад?* [Валишин 1978: 106]. ‘Как он [сын] у тебя уже растет?’. Отсутствие посессивного суффикса является, на наш взгляд, одним из способов разграничения личных местоимений от идентичных «материнских» указательных, поскольку, когда местоимение оформляется притяжательным суффиксом, оно начинает воспринимать-

ся в качестве указательного. Например, *Мынам сои ӵукназэ но сиськытэк кошкиз...* [Самсонов 1979: 290]. ‘Этот мой и утром ушел, не позавтракав’.

В учебных пособиях, научных трудах генитивные формы с атрибутивным значением рассматривают в качестве притяжательных местоимений [ГСУЯ 1962; Тараканов 2003; УУК 2011]. По нашему мнению, правильнее уточнять, что они выступают в функции притяжательных местоимений, являясь падежной формой личных местоимений. Собственно притяжательными местоимениями в удмуртском языке являются всего четыре лексемы: *ас* ‘свой’, *асьме* ‘свой (наш)’, *асьтэ* ‘свой (ваш)’, *асьсэ* ‘свой (их)’ [Кельмаков 1993: 248]. Генитивные формы с дейктическими суффиксами *-эз* (*-ез*), *-ыз* с последующим присоединением падежного маркера типа *мынам-ез-лэсь* ‘от моего, от моих’ корректнее рассматривать как двупадежные формы, поскольку данные суффиксы «выступают вместо пропущенных слов или словосочетаний. <…> В структуре существительных и некоторых разрядов местоимений (собственноличных, определительно-личных и некоторых других) выделительно-указательный (дейктический) аффикс стоит после форм косвенных падежей, т. е. последние служат производящей основой» [Алатырев 1983: 586].

Предикативная посессивность выражается конструкцией с реляционным предикатом[1], обладатель, представлен личным местоимением, оформленным формой родительного падежа, а объект обладания притяжательной формой в именительном падеже [Кондратьева 2011а: 79]. Посессивность рассматривается как признак, существующий в определенной временном плане, спустя некоторое время принадлежность может исчезнуть. Посессор может быть одушевленным и неодушевленным, обладаемое – отчуждаемым и неотчуждаемым. Такая конструкция выражает широкий спектр посессивных значений, чаще всего описываются отношения между посессором и объектом, социальные отношения, свойства обладателя [Некрасова 2023: 204]: *Веранэз ӧвӧл, механизаторъёс туж висъяськылӥзы колхозникъёслэсь: соослэн вал паспортъёссы но, профсоюзной членской книжкаоссы но* [Никитин 1965: 87]. ‘Нечего и говорить, механизаторы очень отличались от колхозников: у них были и паспорта, и профсоюзные членские книжки’; *Сюрлое ӧвӧл мынам* [Кедра Митрей 1988: 17]. ‘Нет у меня серпа’.

Значение пассивного субъекта, совершающего непроизвольные действия, находящегося в неконтролируемом им состоянии, появляется в безличных предложениях. В них содержится указание на действия, вы-

[1] Глаголы-связки *вань* ‘есть, имеется в наличии’, *луэ* ‘бывает’ в разных временных формах могут присутствовать или отсутствовать, их отрицательные эквиваленты *ӧвӧл* ‘нет, не имеется в наличии’, *уг луы* ‘не бывает’ и др. в предложении присутствуют всегда.

полняемые субъектом, или события, в которых он принимает участие. Сказуемое в предложении с родительным падежом субъекта может указывать: а) на завершение процесса, его результат (*Солдатлэсь талам пыӵалэныз солэн номыр каремез ӧз луы* [Коновалов 1990: 40]. ‘С отобранным у солдата ружьем у него ничего не получилось сделать’), б) непроизвольное действие (*Мынам тани уг луы ни, лябӟиськиз* [Красильников 1991: 22]. ‘У меня вот уже не получается, обессилел’); в) желание или нежелание, эмоциональное состояние (*Соосты мынам адӟеме но уг пот* [Широбоков 1992: 204]. ‘Мне их видеть не хочется’; *Тынад кин луэмед потэ, Верочка?* [Перевощиков 1988: 297]. ‘Тебе кем хочется стать, Верочка?’).

Формы личных местоимений мн. ч. могут обозначать местоположение какого-либо явления: *Со понна табере атабайёс, кытчы ке палэнэ вуылыкузы, маке сямен одно ик верам каро: «Милям алигес клуб пуктӥзы, пушказ пырид ке, паймыса быродӥ»* [Красильников 1991: 9–10]. ‘Зато теперь атабаевцы, выезжая куда-то на сторону, как бы невзначай обязательно расскажут: «У нас недавно клуб построили, если зайдешь внутрь, удивишься»’; бес. *musugan merto mil'am* ‘У нас сажают картофель’ [Тепляшина 1970а: 268]; кукм. *mil'am akaška aźǝn kuń nal aźla kiśton lüe* [Кельмаков 1969: 557, 558]. ‘У нас за три дня до пасхи бывают поминки’.

Местоимения в ед. ч. в данном значении не употребляются. С нашей точки зрения, локальное значение для генитивных форм личных местоимений является более поздним приобретением. Возникло оно благодаря эллипсису, когда название места (*гурт* ‘деревня’, *юртъер* ‘хозяйство’ и др.) опускается.

Генитивные формы могут выступать в составе вводных конструкций, часто в сочетании с послелогом *сямен* ‘как, по’: *<…> мынам малпамея, Замятина Риммалэн аппендицит ӧвӧл кадь* [Красильников 1991: 15]. ‘<…> по моему мнению, у Замятиной Риммы вроде не аппендицит’; *– Мынам сямен, черксылэн кулэез но ӧвӧл, – шуэ одӥгез пурысьтам пересь, куа поп, – вӧсяськон сикмес коразы* [Кедра Митрей 1988: 29]. ‘– По-моему, нужды в их церкви нет, – говорит один поседевший старец, – лес, в котором мы молились, вырубили’; *Иське, тӥляд малпамдыя, государстволы нянь сётон со талам луэ?* [Никитин 1965: 45]. ‘Значит, по вашему мнению, сдача хлеба государству становится конфискацией (грабежом)?’

Итак, падежные формы личных местоимений 1-го и 2-го лица образованы суффиксом *-а*, генетически восходящим к конечному гласному основы сингулярных местоимений и личными суффиксами соответствующего лица и числа. Падежный маркер был заимствован в парадигму склонения плюральных личных местоимений. Генитивные формы местоимений 3-го лица образованы стандартным субстантивным суффиксом *-лэн*, его современные диалектные варианты имеют позднее и узколокальное происхождение.

Семантика генитива личных местоимений связана с указанием на субстантивную и предикативную посессивность, значение пассивного субъекта в безличных предложениях. Местоимения мн. ч. могут иметь локативное значение, которое сформировалось путем элипсиса. В сочетании с послелогами личные местоимения указывают на пространственные ориентиры, а также становятся частью вводных конструкций.

Сокращения

акк. – аккузатив, бес. – бесермянское наречие, ген. – генитив, ед. ч. – единственное число, к. – коми язык, круф. – красноуфимский говор, кукм. – кукморский диалект, мн. ч. – множественное число, сев. – северное наречие, свост. – средневосточные говоры, сред. – срединные говоры, татш. – татышлинский говор, удм. – удмуртский язык, южн. – южный диалект.

Источники

Блинов П. А. Улэм потэ: роман. Ижевск: Удмуртия, 1967. 168 б.

Валишин Р. Г. Тöл гурезь: повестьёс. Ижевск: Удмуртия, 1978. 276 б.

Кедра Митрей. Секыт зйбет: роман, повестьёс, веросъёс, кылъбурьёс, поэма, тодэ ваёнъён. Ижевск: Удмуртия, 1988. 392 б.

Красильников Г. Д. Тонэн кылисько: роман, повесть. Ижевск: Удмуртия, 1991. 390 б.

Никитин А. И. Пычанкаысь бригадир: документальной повесть. Ижевск: Удмуртия, 1965. 103 б.

Перевощиков Г. К. Йöвалег: роман-дилогия. Ижевск: Удмуртия, 1988. 504 б.

Самсонов С. А. Дыдыкъёс бус пöлы уг йыромо: роман. Ижевск: Удмуртия, 1979. 382 б.

Широбоков С. П. Яратон ке öвöл: комедия // Вакытлэн гурьёсыз: кылбурьёс, поэмаос, басняос, веросъёс, гожтэтъёс, статьяос. Ижевск: Удмуртия, 1992. С. 202–249.

Литература

Алатырев В. И. Краткий грамматический очерк удмуртского языка // Удмуртско-русский словарь. М., 1983. С. 563–591.

Бушмакин С. К. Морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка // СФУ. 1969. № 1 (V). С. 59–69.

Бушмакин С. К. Фонетические и морфологические особенности средневосточных говоров удмуртского языка: автореф. дис. … канд. филол. наук. Тарту, 1971. 28 с.

Вахрушев В. М. Субстантивные словосочетания с зависимыми именами числительными и местоимениями // Вопросы грамматики удмуртского языка. Ижевск, 1984. С. 67–78.

ГСУЯ 1962 – Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология. Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1962. 372 с.

Едыгарова С. Категория посессивности в удмуртском языке. Тарту: Tartu Ulikooli Kirjastus, 2010. 290 с.

Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние. Ижевск: МарШак, 2020. 563 с.

Кельмаков В. К. Кукморский диалект удмуртского языка: дис. … канд. филол. наук. 1969. 683 с.

Кельмаков В. К. Фонема *ə* в татышлинском диалекте удмуртского языка // СФУ. 1974. № 2 (Х). С. 101–106.

Кельмаков В. К. Образцы удмуртской речи 2: Срединные говоры. Ижевск, 1990. 368 с.

Кельмаков В. К. Удмуртский язык // Языки мира: Уральские языки. М.: Наука, 1993. С. 239–255.

Кельмаков В. К. К проблеме морфемного членения удмуртских личных местоимений // Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum, Joshkar-Ola, 15.08–21.08.2005. Joshkar-Ola, 2005. P. II. Linguistica: Summaria acroasium in sectionibus. С. 79–81.

Кондратьева Н. В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011а. 255 с.

Кондратьева Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011б. 154 с.

Краснощеков Е. В. Категория притяжательности в синхронно-диахроническом аспекте (на материале языков различных систем): автореф. дис. … д. филол. наук. Майкоп, 2020. 44 с.

Насибуллин Р. Ш. Наблюдения над языком красноуфимских удмуртов // О диалектах и говорах южноудмуртского наречия. Ижевск, 1978. С. 86–151.

Некрасова Г. А. Функциональное развитие присубстантивного генитива в финно-пермских языках. Сыктывкар, 1995а. 24 с.

Некрасова Г. А. Развитие генитива в пермских языках // Узловые проблемы современного финно-угроведения. Йошкар-Ола, 1995б. С. 375–379.

Некрасова Г. А. Система *L*-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. Сыктывкар, 2002. 168 с.

Некрасова Г. А. Категория падежа имени существительного в пермских языках. Сыктывкар, 2023. 516 с.

Основы 1974 – Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. 484 с.

Основы 1976 – Основы финно-угорского языкознания: Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. 464 с.

Серебренников Б. А. Историческая морфология пермских языков. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 392 с.

Серебренников Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и мышление. М.: Наука, 1988. 242 с.

Тараканов И. В. Туала удмурт кыл: Нимвоштос: азьпечатлос. Ижкар: «Удмурт университет» книга поттон корка, 2003. 32 б.

Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 288 с.

УУК 2011 – Удмурт кыллэн кылкабтодосэз (морфологиез). Ижевск: «Удмурт университет» книгапоттонни, 2011. 406 б.

Федюнева Г. В. Первичные местоимения в пермских языках. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 427 с.

Aminoff T. G. Votjakin äänne- ja muoto-opin luonnos. Helsinki, 1896. 48 s. (Journal de la Société Finno-Ougrienne 14).

Bartens R. Permiläisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura, 2000. 376 s. (MSFOu 238).

Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 405 S.

Kel′makov V., Saarinen S. Udmurtin murteet. Turku–Iževsk, 1994. 368 s. (Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen julkaisuja 47).

Korhonen M. Remarks on the structure and history of the Uralic case system // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Vol. 83. Helsinki, 1991. Pp. 163–180.

Ravila P. Zur Geschichte der Deklination der Personapronomina in den uralischen Sprachen. Helsinki, 1950. S. 311–323.

Rédei K. Zur Geschichte der finnougrischen Personalpronomina // Linguistica Uralica. Tallinn, 1998. № 4. S. 341–352.

Uotila T. E. Zur Deklination der Personalpronomina in der permischen Sprachen // Nyelvtudományi Közlemények 50. L. 1–3 füzet, 1936. S. 464–476.